

Религиозные верования и государственная власть

В.Б. Лебедев

Псковская духовная консистория в конце XVIII века

Для управления епархиями при каждом архиерее имелась духовная консистория, состоявшая из присутствия и канцелярии. Канцелярия находилась под началом секретаря, который заведовал всеми столами и пользовался в консистории огромным влиянием. Каждому члену консистории вверялся для наблюдения особый стол, т.е. разряд дел, но в слушании дел в присутствии участвовали все члены консистории.¹ Начиная с 1768 г. в состав присутствия консистории стали включать не только монашествующих лиц, но и представителей белого духовенства: протопопов и священников.²

На протяжении 80-90-х гг. XVIII в. узкий круг духовных лиц, заседавших в присутствии консистории, был достаточно устойчив. В него входил ректор Псковской духовной семинарии, он же Псково-Печерский архимандрит (в 1785-1792 гг. им был Варлаам Головин, в 1792-1800 гг. – Петр Можайский)³. Бессменным членом присутствия, вплоть до самого закрытия Снетогорского монастыря в 1804 г., был его архимандрит Афанасий.⁴ Представителями белого духовенства являлись протоиереи Троицкого собора Сергей Антипов Владимирский (с 1791г.) и его предшественник – Иоанн Афонасьев. В 1798 г. присутствующим консистории, в уважение его заслуг,

стал протоиерей Иоанно-Богословской церкви Симеон Яновский.⁵ Таким образом, одновременно присутствующими членами духовной консистории могли быть 3-4 человека. Собирались они в будничные дни, исключая многочисленные праздники, и с 10 часов утра до 2 часов дня решали накопившиеся вопросы. Случалось, что на заседаниях, за отлучкой в свою обитель, не мог присутствовать Псково-Печерский архимандрит. Час прибытия и убытия заседавших строго фиксировался в журнале консистории. Если присутствия в будний день не было, на своем служебном месте все равно находился секретарь, «коим в рассматриваемый период являлся Никифор Титов, также прикладывающий руку ко всем составленным в консистории бумагам».⁶ Он был тем двигателем, который приводил в движение весь механизм консисторского делопроизводства, получая за свой труд достаточно скромное вознаграждение в размере 100 руб. в год (с 1797 г. – 200 руб.).⁷ Под его началом трудились стряпчий и канцелярские служители: три канцеляриста, шесть копиистов, восемь консисторских приставов, один стряпчий и два сторожа. Их труды вознаграждались еще более скромно. Так, канцелярист получал в год 50 руб., копиист – 25, сторож и пристав – 10, стряпчий – 40. На содержание духовных правлений выделялось еще меньше средств: в 1799г.⁸ 360 руб. на 6 духов-

Лебедев Владимир Борисович - аспирант кафедры отечественной истории Псковского пединститута им. С.М. Кирова

ных правлений.⁹ И подобные размеры окладов, по мнению П.В. Знаменского, поддерживали «старое зло административной продажности и поборов».¹⁰ Мы не можем привести документально подтвержденных примеров вымогательства консисторскими служителями у мирян или духовных лиц в Псковской епархии денег, ценностей или продуктов питания, но сельский священник из Ярославской губернии Иоанн Матусевич в своей «Записной книге» рисует весьма яркую картину бесконечных поборов со стороны членов духовного правления и консистории, которые были особенно велики при подаче отчетных документов (экстрактов, росписей, рапортов, сказок).¹¹ Однако можно предположить, что и в Псковской епархии существовала своя система компенсации членам консистории их невысоких окладов. В расходной книге Святогорского монастыря за 1796 г. значатся следующие «подарки консисторским»: архимандриту Печерскому куплена голова сахару весом в 13 с половиной фунтов, штоф французской водки и калачи (всего на сумму 9 руб. 95 коп.). На несколько меньшую сумму получили подарки прочие члены присутствия и секретарь; копеечные подарки получили и консисторские служители.¹² Чтобы избежать поборов с приходского духовенства, архиепископ Псковский Иннокентий Нечаев велел в 1795 г. собирать по полушке с души мужского пола на содержание духовных правлений на территории всей епархии, за исключением Рижского духовного правления.¹³

Само здание Псковской духовной консистории находилось в Кремле (Приказные палаты) и выглядело следующим образом. На первом этаже располагались две палаты, разделенные сенями. В одной из них, вероятно в меньшей, хранилась денежная казна, получаемая раз в полгода консисторским приходчиком на консисторские расходы из казенной палаты. Во втором помещении находился архив консисторских дел. На верхний этаж можно было подняться по каменному крыльцу с деревянной крышей, под которым находились две маленькие палатки. На втором этаже в ма-

лом помещении было присутствие, а в большом - канцелярия. В канцелярии размещались столы канцелярских служителей и отдельно стоящий протокольный стол для регистрации в журналы всех входящих и исходящих документов. Из досок были сооружены два простенка, отделявшие канцелярию от тиунской поповской палаты и закутка, в котором содержали случившихся колодников. Подобная планировка неизбежно порождала ряд неприятных моментов, существенно затруднявших работу канцеляристов. Во-первых, зимой большое помещение с толстыми стенами, при наличии одной печки и при огромных затратах на покупку дров, должным образом не могли отопить даже в обычный мороз. Большое количество посетителей, входящих и выходящих, также способствовало быстрому остыванию палаты. Канцеляристы зябли, работа приостанавливалась. Во-вторых, посетители, всегда во множестве толпящиеся вокруг столов, беседовали между собой, громко кричали, ссорились и постоянно пытались, пользуясь сутолокой, подсмотреть содержание документов, лежащих на столах, в том числе и на протокольном. Поэтому даже самая важная и секретная информация могла стать достоянием широкой общественности, что приводило к самым неприятным последствиям для канцеляристов. В-третьих, простенок, отделявший канцелярию от колодников, не достигал потолка, и колодники ухитрялись подслушивать содержание деловых бесед канцеляристов, извлекая из них полезные сведения. Для устранения этих неудобств в работе члены консистории собирались соорудить в канцелярии дополнительные перегородки, но, увенчалась ли эта попытка успехом, неизвестно.¹⁴

Впрочем, в духовных правлениях обстановка могла быть еще более удручающей. В 1764 г. член Рижского духовного правления рапортовал: «...ничего не приняли, как только одно зеркало, стоящее на крайне ветхом и весьма непристойном столе без прикрытия, насылаемых же указов и всяких письменных текущих дел, неотменно подлежащих для содержания и хранения

в одном месте совсем ничего не оказалось, кроме ветхого сундука, запечатанного давних годов с письмами и одного ветхого же, открыто стоящего, небольшого шкафа таких же давних годов с письменами прежних правителей, но дела находились на дому у протоиерея... присутствующие часто, когда приходят в Правление, находят двери его запечатанными и через это терпят посрамление... Духовное правление не отогревается».¹⁵

Работы у канцелярских служащих и членов присутствия и без всяких помех было немало. Шла постоянная переписка с различными административными учреждениями, велись многостраничные дела, возникавшие иногда по самым пустяковым поводам. Например, дело присужденного к выполнению епитимьи регистратора Гаврилы Вавилова, который, ругаясь с капитаном Александром Польским, имел неосторожность заявить о себе, что черт вложил в него душу.¹⁶ Вся переписка, внесение содержания дела в журнал, рассылка указов по результатам решенных дел, ведение протокольных записей, ведение судебно-следственной документации отнимали у членов консистории массу времени. Например, в Коломенскую духовную консисторию, в ведомстве которой состояло 1177 церквей, только за 1798 г. поступило к исполнению 5556 разных бумаг.¹⁷ С 1788г. при приведении границ Псковской епархии в соответствие с границами губернии количество приписанных к епархии церквей увеличилось с 226 до 515 и добавилось 4 монастыря.¹⁸ Канцелярские служители уже не могли справиться с объемом возложенной на них работы, а увеличить штаты архиерей не мог. Выход был найден в приглашении из семинарии двух наиболее подходящих, по мнению ректора, семинаристов, с назначением им жалования.¹⁹ Рабочий день у канцелярского служащего был весьма продолжительным: у секретаря Московской духовной консистории он длился с 8 утра до 5 пополудни, у всех прочих служащих – с 6 утра до 6 вечера. Согласно букве Генерального Регламента за день отсутствия в канцелярии без уважительной причины служащий лишался месячного жалования. Не-

брежно относящихся к своей работе служителей митрополит Платон наказывал содержанием в канцелярии на хлебе и воде.²⁰ Впрочем, несмотря на все трудности, связанные со службой в канцелярии, духовная консистория являлась тем местом, куда желали пристроить своих безместных сыновей многие священно- и церковнослужители.²¹

Когда дел, касающихся какой-нибудь одной стороны жизни приходов, становилось слишком много, консистория старалась бороться с ними путем рассылки по уездам разного рода указов и инструкций, обязательных к повсеместному исполнению. Как правило, они составлялись в подтверждение прежних и уже всеми забытых, а контроль за их выполнением возлагался на благочинных, десятона начальников и членов духовных правлений. Все инструкции отличаются обстоятельностью и обременительностью для тех, кому надлежало их исполнять и следить за их исполнением. Так, частые кражи церковной суммы привели к тому, что присутствующим в консистории пришлось изложить свое мнение на предмет того, как должно организовать ее хранение. Из составленной по этому поводу инструкции, в частности, следовало, что церковные деньги должны храниться в церкви, внутри окованного железом сундука, в специальном мешочке с ярлычком, на котором указана наличествующая церковная сумма. Деньги кладут в сундук и вынимают только священник вместе со старостой, при этом староста ключом закрывает замок, а священник прикладывает свою печать. Для большей сохранности церковного имущества церковнослужителям следовало ночью обходить церковь, осматривая окна и двери. Но более всего консистория требовала отчетности. Каждый месяц священник был обязан рапортовать о сохранности церковного имущества в духовное правление, которое в свою очередь каждые 4 месяца составляло рапорт для консистории. Каждые два года настоятель храма предоставлял в консисторию для проверки шнурованные приходно-расходные книги. Заодно консистория напоминала белому духовенству о необходимости крайне эко-

номно расходовать церковную сумму, употребляя ее лишь на самое необходимое для богослужения.²² За несвоевременную подачу отчетной документации наказывали самым строгим образом. Так, за несвоевременную присылку формулярных ведомостей следовала отсылка в монастырь с «определением в монастырские труды» священника на полгода, а причетников - на 3 месяца за «ослушание команды».²³

Все отчеты составлялись по рассылаемым образцам. Многие указы консистории были как две капли воды похожи один на другой, например указы о переводе или определении в должность. Но огромное количество дел требовало от членов присутствия знаний о жизни разных категорий духовенства и просто житейской мудрости. Консистория никогда не торопилась с принятием решения, стараясь собрать максимально подробную и достоверную информацию. Весьма распространенной в указах, посланных на места, является формула «узнать подлинно ли...» Ничьи показания не принимались на веру. Обычно показания обеих ведущих тяжбу сторон на бумаге выглядят убедительно и правдиво. Следует отметить, что выводы, сделанные членами консистории по рассмотренным делам, основаны на фактах, а не на предположениях, а вынесенные решения часто оригинальны и рационалистичны, особенно если дело касается семейных обстоятельств. Все вышесказанное можно отнести и к Псковскому архиерею Иннокентию Нечаеву, без резолюции которого решения консистории не могли выноситься. В качестве примера подобных решений хотелось привести ответ на просьбу одного из священников Торопецкого уезда перевести его в какой-нибудь полк. За саму просьбу священник получил выговор: епархиальное начальство не терпело таких инициатив, полагая, что каждый должен оставаться на определенном ему месте. Удивляет то, что члены присутствия вникли в самую суть дела и узнали

причины, побудившие священника уехать из своего прихода. В результате резолюция Его Преосвященства завершилась следующими словами: «...а как оный священник имеет жену, дочь бываго на оном месте священника жена же того священника, а его теща, видно человек беспокойный, ибо и пред сим находившийся там священник, а ея деверь не мог с нею жить вместе, почему и переведен на другое место. Оную попадью приказать призвать в духовное правление и объявить ей, чтоб она жила спокойно и не почитала б оного священнического места как наследственного для ея дочерей, которых она имеет еще несколько, и знала б, что не по наследству определяются к церкви священнослужители, а токмо по достоинству и его преосвященства избранию. Дочерей же она должна пристраивать по своему разсмотрению к другим местам.»²⁴

В другом случае консистории пришлось решать вопрос о сохранности имущества некоего диакона, который, по общеупотребимому в среде духовенства выражению, «впал в пьянственную страсть». Члены присутствия пришли к выводу, что священникам того погоста, где проживает этот диакон совместно с его тестем следует «учинить опись имени диакона, в чем бы оное ни состояло». Имущество следовало запереть, опечатать и беречь от употребления его диаконом на «непотребные издержки». До совершеннолетия его детей имущество запрещено было употреблять иначе, как с ведома консистории, кроме съестных припасов, которые, впрочем, тоже следовало выдавать без излишеств.²⁵

Вряд ли деятельность Псковской духовной консистории по исправлению пороков духовенства и улучшению его положения сильно отличалась от деятельности консисторий в других епархиях. Пороки духовенства и его нужды были повсеместно одинаковы, а возможности архиерея и консистории – весьма ограничены.

Примечания

1. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.21. М.,1991. С.266-267.
2. *Знаменский И.* Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880. С.151.
3. *Князев А.С.* Очерки истории Псковской семинарии. М., 1866. С.77.
4. *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб.,1877. С.387.
5. Древлехранилище ПГОИАХМЗ, ф.ПДК, д.325/49, л.1.
6. ГАПО, ф.39, оп.1, д.171, л.1.
7. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания: Царствование государя императора Павла Первого. Петроград, 1915. С.140.
8. ГАПО, ф.39, оп.1, д.29, л.106 об.
9. *Алексий (митрополит).* Очерки по истории православия в Эстонии. Таллин, 1984. С.220.
10. *Знаменский П.В.* История русской церкви. М.,1996. С.342.
11. *Семевский Б.* Сельский священник во второй половине XVIII века // Русская старина. 1877. №8. С.527.
12. *О.Иоанн.* Описание Святогорского Успенского монастыря, Псковской епархии. Псков, 1899. С.121.
13. ГАПО, ф.39, оп.1, д.171, л.28.
14. ГАПО, ф.39, оп.1, д.317, лл.247-248 об.
15. *Алексий (митрополит).* Указ. соч. С.221
16. ГАПО, ф.39, оп.1, д.171, л. 33.
17. Полное собрание постановлений и распоряжений ... С. 528
18. ГАПО, ф.39, оп.1, д.317, лл.236-237, 249.
19. Там же. Л. 275.
20. *Розанов Н.П.* История Московского епархиального управления со времени учреждения Святейшего Синода (1721-1821). Ч. 3, кн.1. М.,1870. С.29-30.
- 2.1 *А.В. Карасев.* Генеалогия приходского духовенства Кашинского и Калязинского уездов Тверской губернии XVIII – первой половины XIX века // Неизвестные страницы истории Верхневолжья: Сборник научных трудов. Тверь,1994. С.5.
22. ГАПО, ф.39, оп.1, д.317, лл.142об.-146.
23. Древлехранилище ПГОИАХМЗ, ф. Мирожского монастыря, д.2391, лл.22-23.
24. ГАПО, ф.39, оп.1, д.171, лл.48-48об.
25. Там же. Л.26.